

АНДРЕЙ КАЗАКОВ

НА СЛУЧАЙ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

***

После шести теперь уже светло.
Опохмеляясь самодельным ромом,
ты смотришь, как любимое село
бесследно исчезает дом за домом.

Кто в нём остался? Только старики,
заядлые святые садоводы,
они здесь существуют вопреки
законам социальным и природы.

У магазина стайка бойких баб,
с закрытой фермы дружная бригада,
их удивило видео в WhatsApp,
как папуасы жарят авокадо.

Они давно не помнят всех своих
родных Кормилиц, Неженок, Бурёнок.
Забыли жар горячий ласк мужских,
привыкнув к жизни диких амазонок.

Механизатор, зоотехник, комбайнёр
пленён одной народной забавой.
Разруха каждый посетила двор,
как будто швед разбил нас под Полтавой.

Сбежала в города вся молодёжь,
разжиться грезит новеньким айфоном.
Не пашет здесь никто, не сеет рожь,
зарю встречают крепким самогоном.

На сельском кладбище покой и тишина,
кукушка здесь бесплатно не кукует,
сквозь тучи смотрит одинокая луна
и на восток уверенно дрейфует.

***

В гараже, среди инструментов, в куче запчастей,
я нашёл сегодня утром ключ от всех дверей.
Я по улицам прошёлся и по этажам, сделал вывод,
что подходит он ко всем замкам. Жизнь приобрела
внезапно новый аромат, ведь теперь не существует
для меня преград. В каждый дом сейчас проникнуть
я могу тайком, двери их открыть легко мне этим вот
ключом. Сразу мысли заметались: банк, дворец,
музей... Полон мир больших соблазнов, запертых
дверей. Например, в Москве, шагая мимо патруля,
я пройти могу спокойно в здание Кремля. Погулять
по светлым залам, дверью поскрипеть, только вот
оно мне надо? Что мне там смотреть? И, подумав,
я решил, что в Кремль я не пойду. Главное, чтоб
подходил ключ к сердцу твоему.

***

Вот ещё один лист календаря
сорван, может быть, здесь всё было зря?
Зря мы открывали эти острова
и напрасно буквы сложили в слова.

Зря бежали в Брюгге, среди прочих дел,
есть кому взглянуть там
в снайперский прицел,
есть кому отправить нас в последний путь
и потом из фляжки виски отхлебнуть.

Здесь не по-весеннему, стужа и мороз.
«Не убий», – когда-то говорил Христос.
Не нашли слова его отклика в душе,
и теперь для нас рай только в шалаше.

Поменяй билеты в Брюгге на Васисс,
чтобы там выращивать коноплю и рис,
гнать ночами мутный крепкий самогон,
пока в список санкций не был он включён.

Вот ещё один лист календаря
сорван, не поверю, что всё было зря.
Там за облаками миллиарды звёзд,
все они когда-то выпали из гнёзд.

***

Вечером достал из шкафа старое пальто, на его
полах следы есть красного бордо. Нет двух
верхних пуговиц, порван воротник, но во
внутреннем кармане скомкан пятерик. Я носил
пальто когда-то летом и зимой, в будний день
таскал и даже в редкий выходной. Шерсть давно
на нём скаталась, рукава впритык, но во
внутреннем кармане скомкан пятерик.

Как он смог здесь сохраниться? Для меня
вопрос. Ладно б мелочь завалилась, пачка
папирос, даже пусть презервативы или в кино
билет, в крайнем случае, красивый фантик от
конфет. Но купюра? Так об этом я и не узнал,
но её на всякий случай я менять не стал.

***

Сквозь заросли наш пробирался отряд,
минуя тайком патрули,
пока мы искали дорогу назад,
забыли, откуда пришли.

Какое задание было у нас?
Куда переправить отчёт?
Давно была с центром потеряна связь,
ну, если радист нам не врёт.

Патроны кончаются, нет и гранат,
сухой на исходе паёк,
но ищем упорно дорогу назад,
стирая клыки в порошок.

На редких привалах сны видятся нам,
в них солнце встаёт над рекой,
и молимся мы светлым тем небесам,
найти чтоб дорогу домой.

Штудирует карту седой командир,
пытается строить маршрут,
да, видно, потерян им был ориентир,
и мы все останемся тут.

Шагает сквозь заросли снова отряд,
минуя тайком патрули.
Стараясь вспомнить дорогу назад,
не помня, откуда пришли.

***

Я иду впотьмах по пустым дворам, словно
бы плыву к твоим берегам, словно шторм
затих и не врёт компас, и достигну их я уже
сейчас. Но вокруг стоит лишь густая тьма,
кровь мою бодрит близкая зима, скоро мокрый
снег заметёт следы, к берегам твоим
преградят путь льды. И всё будет здесь так,
как быть должно, говорят, ни плохо, ни хорошо.
Счастье призрачно для белковых тел,
сколько б ни было у них разных дел. Сколько б
ни было в жизни разных встреч, сердце
нам от них трудно уберечь. Слышу, шторм
затих, и не врёт компас, и на маяке свет пока
не гас.

***

С каждым годом длинней мемуары.
Кто здесь вспомнит, какой это том?
Получить бы за них гонорары,
миллионным издав тиражом.

Объяснить бы читателю надо,
кто герой здесь, кто враг и злодей,
что пасти это глупое стадо
снова будет Бессмертный Кощей.

Но под грифом «секретно» всё скрыто,
и давно уничтожен архив,
у разбитого пляшем корыта
под известный в народе мотив.

На страницах полно разных пятен,
и потрёпан слегка переплёт,
иногда пусть сюжет непонятен
и отсутствие смысла гнетёт,

мы исправно бумагу мараем,
день за днём, за главою – глава,
до сих пор хоть и не понимаем,
кто читать будет эти слова.

С каждым годом длинней мемуары,
почерк даже самим не понять,
то помещики, то комиссары,
то орда, то опричная рать...

Всё смешалось в бревенчатом доме,
когда рухнет печная труба,
рыть землянку в родном чернозёме
снова примется здесь голытьба.

***

В песочнице поссорились заклятые друзья.
Для всех считалась пара эта не разлей вода,
они играли вместе и с детства рядом жили,
и местных хулиганов в разборках не щадили.
Но вот во двор их грозный явился дебошир,
фигурой покрупнее, в кармане острый штырь.
Рассорил он товарищей обидными словами,
они теперь себя считают лютыми врагами.
Отчаянно дерутся, друг друга не жалея,
от гнева и от злости жестоко сатанея.

У одного уж выбит зуб, а у другого глаз, и каждый одинок из них, точь-в-точь как во-долаз. И вот они уже полезли за ножами, и нет конца и края кровавой этой драме.

***

Мама, не ищи меня, я пропал в полях,
травы летом зацветут на моих костях,
стану пеньем соловья, утренней росой,
стану я густым туманом над степной рекой.

Мама, ты не жди меня, я погиб в боях,
молодой листвой зелёной стал я на ветвях.
Пулю я поймал на вздохе,
она впилась в грудь,
смерть не удалось мне, мама,
нынче обмануть.

Мама, ты не плачь по сыну, буду я с тобой,
буду я прохладным ветром, пенною волной,
я хотел домой приехать, постучаться в дверь,
а теперь мой труп в «зелёнке» доедает зверь.

Я лучом стал солнечным, тучей грозовой,
я дождём прольюсь на землю, напою водой
высохшую землю, силы наберусь
и из недр оживших хлебом поднимусь.

***

На случай ядерной войны давайте будем все пьяны. Любую уменьшает боль с утра бодрящий алкоголь. Пока не превратились в прах, давайте пить на всех углах коньяк, вино и самогон, и следует принять закон о том, чтоб были все пьяны на случай ядерной войны. На случай ядерной войны давайте будем влюблены. Охватит пусть любовный пыл любого, кто здесь был уныл, кто уже выбился из сил и «всё пропало» голосил, кричал: «Пришёл конец времён!» И следует принять закон, чтоб были все здесь влюблены на случай ядерной войны.